

несколько уколов наркоза и, наконец, вытащили довольно крупный осколок величиной с боб.

Изуродованное плечо осталось мне на память об этом осколке и послужило решающим фактором, вместе с пробитой рукой и ногой для определения инвалидности по ранению 2-й группы.

Возвращаясь назад, скажу, что нашу часть – КУОП-вскоре расформировали. Собрав со всего дивизиона лошадей и телеги, нас отправили в командировку в Россию, в Одесскую область «своим ходом». Телеги были груженены сеном, которое лошади в дороге съедали. Одна лошадь была впряженна, а другая шла сзади на поводу. Ехали несколько дней, и я научился обращаться с лошадьми – запрягать, чистить их. Сама питались сухим пайком. Сдали лошадей и брички в колхоз в селе Зельцы, на берегу Лимана. Село было немецкое, но всех немцев в 1941 г. вывезли в Казахстан. Оставшиеся русские женщины и вернувшиеся с войны инвалиды сказали нам «спасибо» и пообещали, что лошадок съедят, потому что «страшная голодуха». В Румынию мы вернулись поездом в Запасной полк, откуда я попал в Комендантский взвод в г. Фокшаны.

Новое испытание выпало на мою долю. Мы с Мицей, которую я стал звать Маргаритой при расставании договорились, что она будет писать мне на домашний адрес, а уж из дома мама перешлет письма по месту службы. Так же и обратным путем шел ответ. Сначала так и было, правда на это уходило два-три месяца.

В декабре 1946-го демобилизовался, вернулся домой, переписка продолжалась. А в 1948-м Сталин поссорился с Тито. Однажды к нам домой явился человек в гражданском и стал расспрашивать, что у нас за родственники за границей в Югославии. «Почему туда от вас регулярно идут письма?»

Мама рассказала ему, что сын лежал в госпитале и